

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

POLYARCHY
Participation
and Opposition

ROBERT A. DAHL

Yale University Press

NEW HAVEN and LONDON

ПОЛИАРХИЯ:
участие
И ОППОЗИЦИЯ

РОБЕРТ АЛЛАН ДАЛЬ

Перевод с английского
СВЕТЛАНЫ ДЕНИКИНОЙ
ВЛАДИМИРА БАРАНОВА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 321
ББК 66.3
Д15

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

- Д15 **Даль, Р. А.** Полиархия: участие и оппозиция [Текст] / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 288 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0759-9 (в пер.).

Признанный патриарх современной политической науки Роберт Даль рассматривает проблему превращения режимов, которые не позволяют оппонентам открыто, законно, организованно, свободно и честно выступать против действующего правительства («закрытые гегемонии»), в режимы, при которых такая оппозиция возможна («полиархии»). Автор делает пронизательные выводы относительно исторической последовательности событий, экономических оснований, культурных условий, политических убеждений и представлений и степени независимости от иностранного контроля, которые играют определяющую роль в развитии «полиархий», и предлагает возможные стратегии трансформации «гегемоний» в «полиархии».

Книга адресована политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 321
ББК 66.3

ISBN 978-5-7598-0759-9 (рус.) © 1971 by Yale University
ISBN 0-300-01565-8 (англ.) © Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Государственного
университета — Высшей школы
экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ОППОЗИЦИЯ	6
II. ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИАРХИЯ?	24
III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ.	42
IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: КОНЦЕНТРАЦИЯ ИЛИ РАССРЕДОТОЧЕНИЕ?.	59
V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО: УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ	75
VI. РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО	97
VII. СУБКУЛЬТУРЫ, ВИДЫ РАСКОЛОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА	124
VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ	147
IX. ИНОСТРАННЫЙ КОНТРОЛЬ	220
X. ТЕОРИЯ: ВЫВОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ	235
XI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СТРАТЕГИЙ ИЗМЕНЕНИЙ	244
ПРИЛОЖЕНИЕ А	267
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.	284

I. Демократизация и публичная оппозиция

Рассмотрим политический режим, в условиях которого оппоненты правительства не могут открыто и законно создавать политические партии, выступающие оппозицией на свободных и честных выборах. Какие условия способствовали либо, напротив, препятствовали бы преобразованию этого режима в такой, где подобная возможность существует? Вот ключевой вопрос данной книги.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Поскольку развитие политической системы, при которой возможны оппозиция, конкуренция или состязательность между правительством и его оппонентами, является важнейшим аспектом становления демократии, эта тема также рассматривается в книге. Однако процессы демократизации и создания публичной оппозиции, на мой взгляд, не тождественны. Подробное описание различий завело бы наше исследование в семантическое болото. Чтобы избежать окольных путей, позволю себе обозначить в достаточно краткой форме ряд допущений, специально не уточняя аргументы и детали.

Я предполагаю, что ключевая характеристика демократии — это непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные. В данный момент я не собираюсь обсуждать вопрос о том, каким еще параметрам должна удовлетворять система, чтобы быть демократической в строгом смысле слова. В этой книге мне хотелось бы закрепить термин «демократия» за политической системой, одной из характеристик которой является способность достаточного или почти полного реаги-

I. Демократизация и публичная оппозиция

рования на требования всех своих граждан. Вопрос о том, может ли подобная система существовать в действительности, не должен нас волновать в данный момент. Важно то, что мы можем представить себе подобную гипотетическую конструкцию. Для многих людей данная концепция выступала в качестве образца. И как умозрительная схема, граница измерительной шкалы или предельная ситуация (по аналогии с абсолютным вакуумом) она может служить основой для оценки степени приближения различных политических систем к теоретическому абсолюту.

Кроме того, я предполагаю, что способность правительства в течение определенного времени реагировать на предпочтения своих граждан, в политическом отношении рассматриваемых как равные, должна быть обеспечена их неотъемлемыми правами.

Граждане должны иметь возможность:

- 1) формулировать свои предпочтения;
- 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий;
- 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, т.е. отношение, исключаящее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений.

Таковы, как мне представляется, три необходимых, хотя, возможно, и недостаточных, условия существования демократии. Далее я предполагаю, что наличие данных возможностей у огромного количества людей, таких как члены большинства современных национальных государств, обеспечивается со стороны общественных институтов предоставлением как минимум восьми гарантий. Они обозначены в табл. 1.1. Допустим также, что связь между данными гарантиями и тремя фундаментальными правами граждан достаточно очевидна и не требует дальнейшего исследования¹.

¹ Некоторые аспекты их взаимосвязи рассматриваются в: *Dahl R.A. A Preface to Democratic Theory. Chicago: University*

Таблица 1.1

Некоторые необходимые условия демократии для большого числа людей

Возможность	Необходимые институциональные гарантии
I. Формулировать свои предпочтения	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право избирательного голоса 4. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 5. Альтернативные источники информации
II. Выражать свои предпочтения	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право избирательного голоса 4. Право избрания на государственную должность 5. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 6. Альтернативные источники информации 7. Свободные и честные выборы
III. Иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право голоса 4. Право избрания на государственную должность 5. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 5а. Право на соперничество политических лидеров за голоса избирателей 6. Альтернативные источники информации 7. Свободные и честные выборы 8. Наличие институтов регулирования политики правительства согласно голосованию и другим способам выражения предпочтений граждан

Согласно данному перечню восемь институциональных гарантий могли бы обеспечить нас теорети-

Окончание *сн. 1*

of Chicago Press, 1956. P. 3–81; *Dahl R.A., Lindblom C.E. Politics, Economics and Welfare. N.Y.: Harper, 1953. Ch. 10, 11.*

1. Демократизация и публичная оппозиция

ческой шкалой, на которой можно расположить различные политические системы. Однако в результате более пристального анализа мы приходим к выводу, что эти гарантии могли бы быть продуктивно интерпретированы в качестве базиса для различных теоретических аспектов процесса демократизации.

1. И в прошлом, и в настоящее время политические режимы необычайно разнообразны по степени того, насколько эти восемь институциональных условий доступны, публично используются и в полной мере гарантированы по крайней мере некоторым членам политической системы, желающим оспаривать политику правительства. Таким образом, шкала, отражающая эти условия, позволила бы нам сравнить различные политические режимы по таким критериям, как пределы, в рамках которых может действовать оппозиция, границы публичного оспаривания (public contestation) или политической конкуренции². Однако поскольку политические режимы могут допускать в ряды оппозиции как весьма незначительную, так и существенную часть населения, нам, очевидно, потребуются второй аспект.

2. И в прошлом, и сегодня режимы также различаются по тому, какая часть населения допущена к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства: так сказать, по степени участия в системе публичного оспаривания. Шкала, отражающая границы права на участие в публичном оспаривании, позволила бы нам сравнить различные режимы по такому признаку, как включенность (inclusiveness).

Право голоса на свободных, честных выборах, к примеру, имеет отношение к обоим аспектам. Если

² В рамках книги термины «либерализация», «политическая конкуренция», «конкурентная политическая борьба», «публичное оспаривание» и «публичная оппозиция» используются как взаимозаменяемые, а политические режимы, в данном аспекте сравнительно высокоразвитые, часто трактуются как конкурентные.

режим допускает это право в отношении ряда своих граждан, это движение в сторону большего публично-го оспаривания. Чем больше граждан обладает этим правом, тем большую степень включенности имеет режим.

Публичное оспаривание и степень включенности режима — частично независимые друг от друга величины. Так, к концу XVIII в. в Великобритании сложилась развитая система публичного соперничества, однако лишь незначительная часть населения была в полной мере вовлечена в нее вплоть до расширения избирательного права в результате реформ 1867 и 1884 гг. Одна из самых развитых систем публичного оспаривания в мире существует в Швейцарии. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тезис о том, что швейцарский политический режим является «высокодемократическим». При этом женская половина населения страны все еще не допущена к общенациональным выборам. Противоположную ситуацию мы наблюдали в СССР, где практически отсутствовала система публичного оспаривания, хотя законодательно было закреплено всеобщее избирательное право. Фактически одним из самых поразительных изменений этого столетия стало практически полное исчезновение прямого запрета на легитимность участия населения в определении правительства. Лишь несколько стран не смогли предоставить своим гражданам хотя бы формальное право голоса и проводить хотя бы номинальные выборы. Сегодня даже наиболее склонные к репрессиям диктаторы признают, по крайней мере на словах, легитимность права граждан на участие в «управлении», хотя и не в публичном оспаривании.

Разумеется, в условиях отсутствия права на оппозицию право на «участие» во многом теряет смысл, которым оно обладает в странах, где существует публичное соперничество. Безусловно, в государстве, где избирательное право является всеобщим, но правительство полностью подавляет оппозицию, последняя будет

1. Демократизация и публичная оппозиция

наделена гораздо меньшими полномочиями, нежели в стране с ограниченным избирательным правом, но высокотолерантным правительством. Следовательно, классификация стран исключительно по признаку степени их включенности, без учета контекста, будет некорректной. Тем не менее, поскольку мы четко осознаем тот факт, что пределы «избирательного права» или, в более широком смысле, права на участие в политике, являются только одной из характеристик системы, которая может интерпретироваться лишь в более широком контексте, разграничение режимов по признаку степени их включенности было бы полезным.

Предположим далее, что мы рассматриваем процесс демократизации как состоящий по крайней мере из двух измерений: публичного оспаривания и права на участие (рис. 1.1). Несомненно, большинство читателей считает, что демократизация подразумевает и другие измерения. Вскоре я собираюсь обсудить третьи из них, но в данный момент предлагаю ограничиться лишь этими двумя. В контексте уже сказанного я считаю, что развитие системы публичного оспаривания не обязательно является эквивалентным полной демократизации.

Рис. 1.1. Два теоретических измерения демократизации

Чтобы более четко проиллюстрировать взаимосвязь публичного соперничества и демократизации, давайте расположим исследуемые измерения по осям координат, как это показано на рис. 1.2³. Теоретически режим может быть расположен в любой точке пространства, ограниченного двумя измерениями, поэтому очевидно, что наша терминология безнадежно неадекватна, поскольку неизменно основывается скорее на классификации, чем на определении приоритетов. Пространство, ограниченное двумя измерениями, может быть разделено на неограниченное количество клеток, каждой из которых потенциально присваивается имя. Однако цели данной книги делают разработанную типологию излишней. Позвольте мне вместо этого предложить небольшой словарь — надеюсь, обоснованный, — который позволит говорить в достаточно четких терминах о тех видах изменений режимов, которые я хотел бы обсудить.

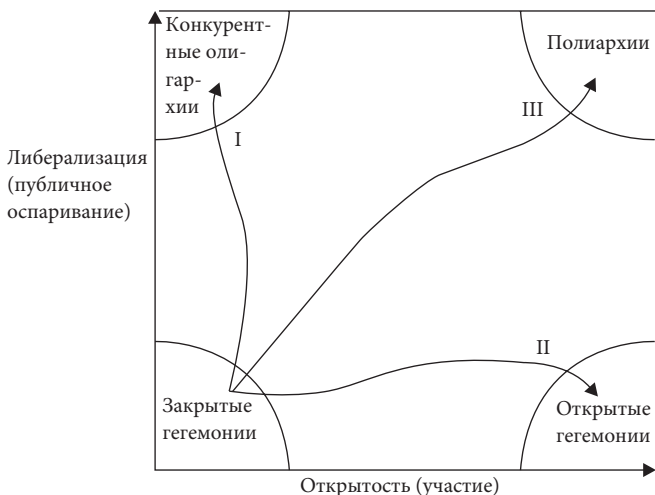

Рис. 1.2. Либерализация, открытость и демократизация

³ Расположение 114 стран по этим двум измерениям см.: приложение А, табл. А-1.

1. Демократизация и публичная оппозиция

Назовем режим, расположенный на графике в левом нижнем углу (см. рис. 1.2), закрытой гегемонией. Перемещение данного режима на графике вверх, по траектории I, означает его движение в сторону увеличения меры публичного оспаривания. Вкратце можно сказать, что изменения в этом направлении подразумевают либерализацию режима. Также допустимо утверждение, что данный режим становится более конкурентным. Если трансформация режима обеспечивает большее участие граждан в процессах управления, как это происходит на траектории II, то можно говорить о движении в сторону популяризации, а также о том, что режим дает больше возможностей для политического участия. Изменения режима фиксировались бы только вдоль одной из осей координат — одного из измерений. Если мы обозначим режим, расположенный в левом верхнем углу, как конкурентную олигархию, то траектория I укажет на переход от закрытой гегемонии к конкурентной олигархии. Но закрытая гегемония также может обеспечить большую степень включенности, не предполагая при этом либерализацию, т.е. обходясь без расширения возможностей публичного оспаривания, — как на траектории II. В данном случае режим трансформируется из закрытой гегемонии в гегемонию включенности.

Демократический режим можно трактовать как расположенный в правом верхнем углу. Однако поскольку демократия может предполагать большее количество измерений, чем обозначено на рис. 1.2, а также (с моей точки зрения) ни одна крупная политическая система в реальности не является полностью демократической, я предпочитаю называть существующие мировые системы, наиболее близкие к правому верхнему углу, полиархиями. Любые трансформации режима, перемещающие его на графике вверх и вправо, например по траектории III, в принципе, подразумевают некоторую степень демократизации. Следовательно, полиархии можно понимать как относительно (но не

полностью) демократические режимы, или, другими словами, полиархии являются режимами, в значительной мере затронутыми процессами расширения народного участия и либерализации, т.е. обеспечивающими высокую степень включенности и в значительной мере открытыми для публичного оспаривания.

Легко заметить, что хотя я обозначил режимы, расположенные по углам графика, значительное пространство в его центре не получило названий и никак не подразделяется. Отсутствие наименований частично отражает историческую тенденцию к классификации режимов в терминах идеальных типов. Кроме того, это связано с моим нежеланием использовать слишком сложную терминологию. Но отсутствие терминологии не означает отсутствия соответствующих режимов. На практике большинство национальных правительств в современном мире попадет в эту среднюю зону. Кроме того, всевозможные существенные трансформации режимов влекут за собой смещение на графике в пределах или за пределами этой важнейшей центральной зоны, иллюстрируя становление данных режимов как обладающих большей (или меньшей) степенью включенности с расширением (или отрицанием) возможностей публичного оспаривания. Чтобы сослаться на режимы, расположенные в этой масштабной средней зоне, я буду иногда прибегать к слову «почти»: режим, который можно назвать почти гегемонией, предполагает отчасти бóльшие возможности для публичной оппозиции, чем подлинная гегемония, а «почти-полиархия» либо подразумевает достаточную степень включенности при условии более жестких ограничений на публичное соперничество, чем при полной полиархии, либо предоставляет сравнимые с полной полиархией возможности для соперничества, но при этом обладает меньшей степенью включенности⁴.

⁴ Терминологическая проблема практически неразрешима, поскольку представляется невозможным подобрать термин,

1. Демократизация и публичная оппозиция

Необходимость дальнейшего использования подобных терминов свидетельствует в пользу классификации, произвольность границ между «почти» и «полным» указывает на некорректность любой классификации. Пока мы отчетливо понимаем, что эти термины полезны, но достаточно произвольны в кон-

уже находящийся в употреблении и при этом свободный от груза двусмысленности и многозначности. Следует напомнить читателю, что используемые здесь термины на протяжении всей книги употребляются мной по возможности только в значении, указанном в предшествующих главах. Некоторые читатели, вероятно, не захотят использовать термин «полиархия» в качестве эквивалента слова «демократия». Здесь необходимо подчеркнуть разницу между демократией как идеальной системой и общественными устройствами, которые рассматриваются как разновидность несовершенных приближений к идеалу. Опыт показывает, что обозначение обоих явлений одним и тем же термином приводит анализ к ненужной путанице и не относящимся к делу семантическим аргументам. С другой стороны, термин «гегемония» также не является вполне удовлетворительным, но в то же время его значение, используемое в данном контексте, представляется мне более подходящим, нежели «иерархия», «монархия», «абсолютизм», «автократия», «деспотизм», «авторитаризм», «тоталитаризм» и т.д. Моя трактовка термина «оспаривание», в контексте «публичное оспаривание», вполне укладывается в обычное (хотя и редко употребительное) значение этого слова в английском языке, где оспаривать — значит опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы. Наиболее близкие синонимы здесь — полемизировать, ставить под сомнение, конкурировать. Но впервые на мысль об использовании этого термина меня натолкнула статья: *Jouvenel B. The Means of Contestation // Government and Opposition. 1996. No. 1. Jan. P. 155–174. Употребление Жувенелем данного термина сходно с моим, будучи в оригинале его французским аналогом: débat, objection, conflit, opposition. Однако в том же выпуске журнала Гита Ионеску (Ionescu G. Control and Contestation in Some One-Party States. P. 240–250) использует данный термин в более узком, но вполне общепринятом значении как «антисистема, основные и неизменные постулаты любой оппозиции на почве фундаментальных дихотомических различий мнений и идеологий» (р. 241). Несомненно, это более узкое определение термина, нежели то, как я использую его в данной книге и, как мне кажется, использовал его Жувенель в своей статье.*

тексте разграничения пространства на рис. 1.2, данные понятия будут выполнять свои задачи.

НОВАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Теперь мы можем переформулировать вопрос, которым открывается данная глава, следующим образом:

1) каковы факторы, способствующие либо, напротив, препятствующие демократическим преобразованиям режима гегемонии или «почти-гегемонии»;

2) выражаясь более точно, какие факторы усиливают или ослабляют публичное соперничество;

3) и еще более конкретно: что способствует или препятствует переменам в области публичного соперничества в режимах, обладающих высокой степенью включенности, таких как полиархия.

Пояснения

Таким образом, данная книга описывает условия, при которых системы публичного оспаривания имеют возможность существовать и развиваться. Поскольку публичное оспаривание является одним из аспектов демократизации, неизбежно будет затронута и эта тематика, как я уже отмечал в начале главы. Важно при этом не забывать, что в центре внимания находится несколько ключевых вопросов, которые будут рассматриваться при анализе процесса демократизации.

Было бы удобно рассматривать демократизацию как совокупность масштабных исторических трансформаций. Одна из них — это преобразование гегемоний и конкурентных олигархий в режим, который можно назвать «почти-полиархией». По сути, именно это происходило в западном мире на протяжении XIX столетия. Вторая трансформация — это преобразование «почти-полиархии» в полную полиархию. В Европе этот процесс охватывает три десятилетия, или период, пришедшийся на конец прошлого столетия и Первую

мировую войну. Третья трансформация — это дальнейшая демократизация полных полиархий. Данный исторический процесс, вероятно, может быть соотнесен с периодом стремительного развития демократических государств всеобщего благоденствия после натиска Великой депрессии. Прерванный Второй мировой войной этот процесс, казалось бы, возобновился в конце 1960-х гг., особенно в молодежной среде, в форме быстро растущей потребности в демократизации множества общественных институтов.

Данная книга ограничивается рассмотрением первых двух трансформаций⁵. При этом третья волна демократизации, безусловно, так же важна, независимо от того, будет ли она развиваться дальше или потерпит неудачу. Многим она покажется даже более важной, чем предшествующие, поскольку затронет только наиболее развитые страны, где будет формировать образ жизни людей в XXI в. Тем не менее преобладающее большинство стран все еще далеки от возможности реализации этих особых трансформаций. Так, в 1969 г. из 140 формально независимых стран только две дюжины отличались высокой степенью включенности и развитой системой публичного оспаривания, т.е. являлись открытыми полиархиями. Возможно, еще около дюжины стран можно было бы отнести к «почти-полиархиям», причем статуса «полных полиархий» они могли бы достигнуть в кратчайшие сроки. Именно на эти три дюжины стран и приходится третья волна демократизации. В свете последующего анализа способность не-полиархий совершить скачок в сторону большей демократизации, чем существует ныне в полиархиях, минуя основные институты этого политического режима, представляется мне весьма слабой, несмотря на обещания идеологов. Поэтому для большинства стран наиболее существенными будут первая

⁵ Некоторые аспекты данной темы рассмотрены мной в книге: *Dahl R.A. After the Revolution? Authority in a Good Society*. New Haven: Yale University Press, 1970.

и вторая стадии демократизации, но никак не третья. Фактически основная тема книги даже уже, чем анализ первых двух стадий. Я говорил о «режимах» и «системах публичного оспаривания», но до сих пор так и не определил тот уровень государственной организации, на котором режимы и публичное соперничество могли бы быть эффективными. Позвольте подчеркнуть, что в рамках данной книги анализируются национальные режимы, т.е. режимы, взятые на уровне страны, или, если хотите, юридически независимого государства, или, используя менее подходящий термин, нации или национального государства. Частично анализ мог бы быть применен к таким подчиненным уровням политической и общественной организации, как муниципалитеты, провинции, профсоюзы, фирмы, церкви и т.п. Возможно, некоторые из них, такие как международные организации различных типов, имели бы большое значение для государств, которые выходят на уровень большей открытости. Однако тезис касался только национальных режимов.

Повторюсь: тема демократизации является серьезным пробелом данной книги. И даже вопросы публичного оспаривания освещены здесь не полностью. На первый взгляд страны дифференцируются в зависимости от объема полномочий, делегируемых гражданам для участия в политике и ее оспаривания не только на уровне национальных правительств, но также правительственных и общественных организаций более низкого уровня. Поскольку создается впечатление, что существенные различия в общих характеристиках субнациональных объединений связаны с различиями в природе национальных режимов (например, является ли данный режим полиархией или нет), я попытаюсь принимать это в расчет в процессе дальнейшего анализа.

Несмотря на это, требование существенного углубления анализа могло бы показаться вполне разумным. Для полного описания возможностей, доступных для

1. Демократизация и публичная оппозиция

участия в политике и ее оспаривания на уровне страны, нам, безусловно, нужно сказать несколько слов и о возможностях, доступных на уровне субнациональных объединений. Чрезвычайная попытка Югославии предоставить субнациональным объединениям значительные полномочия в области самоуправления означает, что возможности оспаривания политики и участия в ней реализуются здесь, несмотря на однопартийный режим, больше, чем, например, в Аргентине или Бразилии. Однако взгляд на проблему с точки зрения включенности режима потребовал бы внимания ко всем возможностям, предполагаемым рис. 1.3. Более того, некоторые современные критики недостаточной демократизации полиархий утверждают, что в то время как полиархии могут быть конкурентными на национальном уровне, огромное количество субнациональных организаций, а особенно частных объединений, будут гегемониями или олигархиями⁶.

		Национальный режим	
		Низкий	Высокий
Субнациональные объединения	Высокий	III	I
	Низкий	IV	II

I. Полностью «либерализованные» или «конкурентные» режимы

II. Конкурентный режим на национальном уровне, гегемонистский режим на уровне субнациональных организаций

III. Конкурентный режим на уровне субнациональных организаций, гегемония на национальном уровне

IV. Полная гегемония

Рис. 1.3. Гипотетическая классификация стран, основанная на доступных гражданам возможностях публичного оспаривания

⁶ См. также: *McConnell G. Private Power and American Democracy*. N.Y.: Knopf, 1966; *Kariel H.S. The Decline of American Pluralism*. Stanford: Stanford University Press, 1961; *Wolff R.P. The Poverty of Liberalism*. Boston: Beacon Press, 1968.

Задача состоит в том, чтобы выйти за пределы описания национальных режимов на уровень субнациональных объединений. Думаю, что попытка исследовать достаточно большое количество стран потребовала бы настолько сложного анализа и столкнулась бы с такими непреодолимыми проблемами с фактической информацией, что данная инициатива потерпела бы неудачу.

В принципе, для полной уверенности субнациональные организации можно было бы расположить вдоль двух измерений, проиллюстрированных на рис. 1.1 и 1.2. Однако задача не в том, чтобы просто локализовать страны в гипотетическом пространстве (см. рис. 1.3). Во-первых, данное пространство соотносится только с одним из двух измерений — оспариванием политики. Очевидно, что аналогичная процедура потребуется и для второго важнейшего измерения — участия в политике. Вдобавок даже в рамках одной страны субнациональные объединения часто существенно различаются по такому критерию, как возможности, предоставляемые ими для «оспаривания» и «участия». Например, во многих современных государствах эти возможности на уровне муниципальных правительств превышают таковые на уровне профсоюзов, которые в свою очередь опережают в этом отношении коммерческие компании. Следовательно, потребовалось бы разбить субнациональные объединения на несколько категорий: коммерческие компании, профсоюзы, муниципальные правительства, церкви, образовательные учреждения и т.д.⁷ К сожалению, здесь данные требования превращаются в утопию, и именно по этой причине — скорее

⁷ Ставшее уже классическим исследование акцентирует внимание на девиантном случае профессиональных объединений с высокой степенью оспаривания и участия: *Lipset S.M., Trow M.A., Coleman J.S. Union Democracy. Glencoe: The Free Press, 1956.* Его описание и исследование в контексте конкретной страны было крайне важным начинанием.

практической, нежели теоретической — я решил ограничить анализ национальным уровнем.

Допущения

Когда гегемонии и конкурентные олигархии начинают трансформироваться в полиархии, они увеличивают объем полномочий граждан для эффективного участия и оспаривания политики, а вместе с тем — и количество индивидов, групп, интересов, чьи предпочтения должны затрагивать процесс формирования политики.

С точки зрения тех, кто уже находится у власти, подобная трансформация влечет за собой новые возможности столкновения, в результате которого поставленные ими задачи (да и они сами) могут быть замещены представителями общественного мнения на новые общности индивидов, групп или интересов.

Проблема тех, кто находится у власти, является зеркальным отражением проблемы их оппонентов. Любая трансформация, наделяющая оппонентов правительства большими полномочиями для реализации своих целей в политике, проводимой государством, влечет за собой возможность конфликта с представителями общественного мнения, касающегося индивидов, групп или интересов, которых они замещают в правительстве.

Таким образом, чем серьезнее конфликт правительства и оппозиции, тем более вероятно, что каждая сторона будет пытаться ограничить возможности другой стороны для эффективного участия в формировании политического курса. Иными словами, чем серьезнее конфликт правительства и его оппонентов, тем дороже обходится каждой из сторон существование другой. Поскольку оппозиция должна получить контроль над государством, чтобы подавить действующие власти (в этот момент оппозиция и правительство поменялись ролями), мы можем сформулировать в качестве аксио-

мы некое общее допущение относительно правительств, проявляющих терпимость к своим оппонентам.

АКСИОМА 1. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой ожидаемые издержки такой терпимости снижаются.

Тем не менее правительство должно понимать, чего ему будет стоить подавление оппозиции. Как бы ни приходилось расплачиваться за толерантность, подавление оппозиции обойдется гораздо дороже и будет явным безрассудством. Следовательно:

АКСИОМА 2. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой возрастают ожидаемые издержки ее подавления.

Таким образом, можно считать, что шансы на возникновение или продолжение существования более конкурентной политической системы зависят от этих двух видов издержек.

АКСИОМА 3. Чем больше издержки подавления оппозиции превышают издержки терпимого отношения к ней, тем выше вероятность, что политический режим станет конкурентным.

Аксиома 3 может быть проиллюстрирована графически (рис. 1.4).

Чем ниже издержки терпимого отношения к оппозиции, чем выше защищенность правительства. Чем выше издержки подавления оппозиции, тем выше защищенность самой оппозиции. Следовательно, условия, обеспечивающие обоюдную защищенность как правительства, так и оппозиции, тяготеют бы к делегированию и сохранению более широких полномочий оппозиции в оспаривании политики правительства.

I. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Рис. 1.4

Теперь можно заново сформулировать вопрос, поставленный ранее:

какие условия способствуют значительному росту обоюдной защищенности правительства и оппозиции и, таким образом, повышению шансов публичного оспаривания и полиархии?

Прежде чем я отвечу на этот вопрос, позвольте рассмотреть еще более важный: имеет ли значение полиархия?

Научное издание
Серия «Политическая теория»

РОБЕРТ АЛЛАН ДАЛЬ
ПОЛИАРХИЯ:
УЧАСТИЕ И ОППОЗИЦИЯ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор
ТАТЬЯНА БЕЛЯЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 03.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 12,3
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1211. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0759-9

9 785759 807599